

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

**Читайте исторические
любовные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба

Тайная жена

Страстная-опасная

Любовный водевиль

Сестры-соперницы

Северная роза

Гадание на любовь

Виновница страстей

Свет мой ясный

Крепостная графиня

Роковая вдова

Пленник богини любви

Дуэль на брачном ложе

Две невесты

Любовь как смерть

Лукавый взор

Заморская отравка

На краю любви

Поцелуй фортуны

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ВАШ МИЛЫЙ
ДУМАЕТ О ВАС

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Н. Каптыкиной*

В коллаже на обложке
и внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Lislal / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена.

А85   Ваш милый думает о вас / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-188903-6

«Ваш милый думает о вас, а все страдания закончатся венчанием». Вот что запомнила из гадания Юлия Аргамакова. Но кто он, этот милый? Сладкий красавчик Адам, с которым Юлия бежала из родительского дома и собиралась выйти за него замуж, быстро разочаровал. А все мысли и чувства захватил Зигмунд Сокольский, с которым она провела роковую ночь, перевернувшую судьбу девушки. Теперь Юлия в плену страсти. Но Зигмунд пропал — ведь разгорелось Польское восстание, гибнут русские люди, целостность страны под угрозой, а он офицер. Вот только какой армии? Он свой или враг?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188903-6

© Арсеньева Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Уйми бездумное роптанье
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

Каролина Павлова

ОБМАНУТЫЙ ЖЕНИХ

. . . *Н* очник не горел;
пока глаза при-
выкали к темно-
те, Юлии пришлось постоять у двери,
вдыхая запах табака и пыли, хорошей
перчаточной кожи и чего-то особенно-
го — словом, запах мужчины.

Она по-прежнему ничего не видела.
Все небо за окном затянуто тучами, ве-
тер ярится, а здесь так тепло, так тихо.
Так томно!

Очертания кровати выступили из
тьмы, и Юлия торопливыми, невесо-
мыми шажками добралась до нее, по-
стояла мгновение, глубоко вздохнув,
и осторожно присела, а потом прилегла
с самого краешка. У нее было такое
ощущение, будто бросилась она в эту
роковую постель как в омут.

Ну ничего! Самое главное сделано!
Самое страшное позади! И теперь мож-
но не мучиться сомнениями, как вчера,
как всю дорогу до станции: «Может быть,
сегодня. Может быть, уже этой ночью...»

* * *

«Может быть, сегодня! Может быть, уже этой ночью мы станем любовниками. Нет, мужем и женой!»

Конь устало взбрыкнул; Юлия натянула поводья, чувствуя, что краснеет: а вдруг скакун почуял ее горячечные мысли?

Подбежал работник: «Проше тутай¹, добрый пан, ясная пани!» — подхватил лошадей под уздцы, сунулся было поддержать стремя, но Адам оказался проворнее и уже соскочил с седла, ревниво оттолкнул работника, принял Юлию на руки и медленно, неохотно опустил на землю, крепко прижимая к себе и скользя губами от виска к шее. И снова эти мысли, от которых перехватывает дыхание и слабнут ноги: «Сегодня ночью!» Юлия видела, как бьется синяя жилка на его горле, и не сомневалась, что он думает о том же!

Работник пялился на них с любопытством.

— Н-но, холоп!.. — Адам, очнувшись, брезгливо отстранил его с пути рукоятью хлыста и, подхватив Юлию под локоток, повел в дом.

Несколько мохнатых шавок с лаем бросились из-под крыльца, и Юлия тихонько засмеялась: уж больно старательно выслуживались собачонки перед сухоньким человечком в старом кунтуше² и форменной фуражке, напыленной явно впопыхах, и хотя начальник станции силился принять достойно-грозный вид, сразу было ясно, что натура у него добрейшая.

— Лошадей! — скомандовал Адам. — Но прежде ужин!

---

¹ Пожалуйте сюда (*польск.*). (*Здесь и далее примечания автора.*)

² Кунтуш — польский кафтан.

«Значит, поедем дальше! — разочарованно вздохнула Юлия. — Ну что ж, это самое разумное. Ведь почти ночь на дворе! Господи, я так устала! И вообще...» — она прикусила губу, изо всех сил стараясь держаться небрежно и не выказывать, до чего она обиделась на Адама, который, оказывается, жаждет ее меньше, чем она его.

А следовало бы наоборот!

Тем временем начальник станции что-то отвечал, всплескивая руками, но из-за лая проклятых шавок трудно было хоть что-нибудь разобрать.

— Тють, скаженные! — вдруг заорал он могучим басом, неожиданным для его сложения, и трижды топнул ногой. Шавки, сочтя, очевидно, свою службу выполненной и вполне одобренной, немедленно убралась туда же, откуда взялись, а начальник станции повторил и слова свои, и жест, и мимику крайнего отчаяния:

— Лошадей?! Какие лошади?! Две клячи на дворе, да хоть бы их и не было вовсе! Что с них проку?! Ни под седло, ни в упряжку! Что сегодня с вельможными панами поделалось? Все так и гонят в Варшаву!

— Мы едем из Варшавы, — подала голос Юлия, однако это дела не поправило: начальник станции вновь всплеснул руками и заговорил, смешивая русскую и польскую речь:

— Пшепрашам бардзо¹, ничего не могу поде- лать, даже заради чудесных очей ясной пани! Однако же проше пана, пани не гневаться и не печалиться. В доме моем они отыщут уютный ночлег, а к утру кони вполне отдохнут и смогут вновь нести на себе таких прелестных седоков!

---

¹ Прошу прощения (*польск.*).

Юлия не могла не улыбнуться этим цветистым речам. Вдобавок она вовсе не была огорчена тем, что предстоит заночевать здесь. И так, ночь с 16 на 17 ноября 1830 года навсегда сохранится в ее памяти! Сколько раз, пока они ехали рядом с Адамом — так близко, что лошади их чуть не терлись боками, — Юлия делала вид, что засматривается, как сияет божий мир под чистым небом, радуясь последним погожим денькам, как солнце прячется за речку, как заря румянит облака, а сама думала: как поведет себя, если вдруг Адам возле какого-нибудь уединенного стожка остановится, снимет ее с седла, опрокинет в душистое сено... Она и хотела, и боялась этого. Ну вот, время пришло! Конечно, здесь, на станции, в простынях, перинах и подушках, все будет не так романтично, как в душистом, шуршащем сене, однако что ж, такова судьба!

Она вздохнула обреченно-счастливо — и не поверила своим ушам, услышав, что Адам требует для них две комнаты. Кровь бросилась ей в лицо. Две?! И тут же Юлия мысленно пристыдила себя: разумеется, она все время забывает, как благороден Адам. Несомненно, он желает Юлию так же, как и она его, однако пока они не повенчаны, пока не стали по закону мужем и женой... Ах, как это правильно! Как благо-разумно! Как пристойно! И как скучно! А разве не от этой самой скучной благопристойности очертя голову бежала она из родительского дома?! И вот... Слезы навернулись на глаза, но тут же новая догадка мгновенно высушила их: да ведь Адам просто не хочет компрометировать ее перед этим забавным старичком! А вдруг тот заметил, что на ее плотно обтянутом перчаткою пальце нет необходимой выпуклости, указывающей на обручальное кольцо, и называет ее «пани», а не «панна» только из деликатности? Эти

две комнаты заказаны Адамом лишь для отвода глаз, ну а ночью, несомненно... О, несомненно!

Юлия ободрилась, перестала хмуриться и с выражением приличествующей скромности на лице вошла в дверь, почтительно отворенную для нее начальником станции.

Она очутилась в просторной комнате, ничем не отличающейся от всех других на почтовых станциях, на которых приходилось ей бывать. Гитара на стене — развлечение начальниковой дочери, жены или приберегаемая для забавы господ проезжающих, — переkreшенная со старопольским орудием славы — карабелею; на окнах — нарядные розовые фуксии, похожие на куколок в кокетливых юбочках; в рамках под стеклом — гравированные портреты великих шляхтичей, среди которых непременная принадлежность всякого польского дома — изображение великого гетмана Яна Собесского, по прозванию *Savitara*¹ Речи Посполитой, чье имя в веках навело страх на неприятелей. Тут же висела книжная полка, а на ней, аккуратной стопочкой, — газетные листы Дмушевского, примерного летописца каждого дня и каждого события Варшавы, — «дела веков, дела минуты». В затемненном уголке висел еще какой-то портрет, и Юлии понадобилось изрядно приглядеться, чтобы его рассмотреть. К своему немалому изумлению, она увидела изображение Наполеона I и приподняла брови. Не больно-то это прилично: подданным Российской империи иметь на видном месте первого российского супостата! Впрочем, Юлия отлично знала о слепой преданности поляков Корсиканцу, обещавшему возродить Великую Польшу, а вместо этого ввергнувшему ее в новые

---

¹ Спаситель (*лат.*).

распри с могущественной Россией. Во многих домах годами хранились такие портреты, сделавшись уже более предметом украшения, обстановки, нежели культа, а потому на них сурово реагировали только старые служаки, еще не забывшие горячих схваток с французской армией, вроде... Нет, об этом лучше и не задумываться!

— Чего изволите откусать? — захопотал начальник станции. — Цыплята, раки, спаржа?

— Да! — воскликнула Юлия, вмиг забыв обо всем и чувствуя только, как ужасно проголодалась. — Цыплята, раки, спаржа — и скорее, скорее!

Хозяин позволил себе понимающе усмехнуться.

— Юзефа, подавай на стол! Аннуса, помоги ясновельможной пани!

Явилась чернобровая дородная хозяйка, бывшая чуть ли не вдвое выше супруга, присела в поклоне и принялась с проворством фокусника метать на стол кринки, блюда, тарелки, от которых шел дразнящий аромат вкусной и горячей еды. Прибежала молоденькая девушка, верно дочь хозяина; сделала хорошенький книксен и с благоговением приняла у Юлии салоп на черно-бурой седой лисице, покрытой серым атласом. Юлия заметила, что девушка на миг зарылась в душистый мех, а когда подняла за красневшее личико, в ее голубых глазах сверкнула откровенная зависть.

Какое-то мгновение панны мерили друг друга взглядами. Хозяйка заметила, как беззастенчиво дочь разглядывает высокородную гостью, и возмущенно дернула Аннусю за юбку:

— Ну, чего стала?!

Дивчинка унеслась как вихрь, и Адам, с явным интересом наблюдавший за безмолвным поединком, повел Юлию к столу.

Они сели — и Аннуся вмиг была забыта. Осталось лишь восторженное созерцание и блаженное осязание отлично поджаренных, золотистых цыплят, с выступившими на их крылышках капельками жира, в обрамлении зеленых палочек чудесной спаржи. Было что-то невыносимо возбуждающее в том, как Адам с Юлией сидели на разных концах стола и ели, не сводя глаз друг с друга, враз беря то по палочке спаржи, то по белому, сладковато-солененькому кусочку раковой шейки; было что-то почти любовное в совместном движении их губ и языков, дразняще эти губы облизывающих... А когда Юлия взяла изрядную, толстую цыплячью ножку и поднесла ко рту, ее вдруг посетило неприличное воспоминание о том, как одна девочка у них в институте благородных девиц говорила другой девочке, а та — третьей... и в конце концов дошло до Юлии, что, когда мужчина и дама ложатся в постель, некоторые особы ласкают своих любовников особенным, изощренным, диковинным способом, целуя ту часть их тела, о существовании которой воспитанные девицы не должны были даже подозревать. И сейчас ей представилось, как она позволит себе с Адамом все-все, даже самые опасные ласки, только бы их страсть не знала предела!

В эту минуту топот копыт и истошный лай со двора возвестили о прибытии новых гостей, и не успел станционный смотритель, по обычаю, выскочить на крыльцо, вновь прибывшие уже вошли в залу.

* * *

— Не дело, не дело, пан Тадек! Ветчина у вас, гляжу, еще по двору ходит в первозданном виде, да и жареный цыпленок вон кудахчет! — воскликнул

с порога один из гостей, высокий статный мужчина в толстом, видимо очень теплом, плаще с пелериною, сняв мягкую дорожную шляпу, резко тряхнув смятыми волосами, отчего они взлетели и сразу улеглись надо лбом пышной темно-русой волной. — Мир вашему дому!

— Патер ностер... — восхищенно прошептал начальник станции, устремляясь вперед с радушно простертыми руками, в одной из которых была зажата бутылка, что выглядело весьма комично. — Патер ностер, Матка Боска! Да ведь это пан Зигмунд! Да нет, быть того не может! Мои очи лгут мне!

— Полно вам клеветать на свои очи! — улыбнулся вновь прибывший, и улыбка эта вызвала восторженное сияние на пышном лице Юзефы и прелестном личике Аннуси.

Этот человек был из тех, кто сразу обращает на себя внимание окружающих и завладевает им всецело. Он как бы заполнил собою всю немалую станционную горницу! И не потому только, что был высок, широкоплеч, изящен и проворен в движениях; не потому только, что его светлоокое лицо имело запоминающиеся, мужественные, красивые черты. Он обладал силой, которая поражала более, чем красота: силой вождя, заводилы, впереди идущего, на которого взирают почтительно и восторженно последователи, готовые по первому мановению его руки ринуться бог весть куда! На подвиг! На бой! На смерть!

Юлия даже поежилась, ибо Зигмунд на миг напомнил ей отца, а генерал Аргамаков был, ей-богу, последним человеком, о котором сейчас хотелось думать! Поэтому она взглянула на другого гостя, который вытирал платком усталое лицо и с отчуж-

денным равнодушием озирали стены станционного помещения.

Он был невысок, плотного сложения и уже склонен к полноте, невзирая на молодость: ему было едва за двадцать. Черные волосы оттеняли бледность лица, в котором было что-то орлиное, надменное: в этих широко расставленных круглых, немигающих глазах, в коротком горбатом носе, в поджатых губах маленького рта... Юлии показалось, что она уже видела этого человека прежде: высокомерно-сосредоточенное выражение его лица было чем-то знакомым.

Несомненно, знал его и пан Тадек. Во всяком случае, вид у доброго хозяина сделался такой, словно он повстречал призрак, а глаза испуганно сновали от лица гостя к портретику, висевшему в темном уголке.

«Вот на кого он похож! — внезапно сообразила Юлия. — На Бонапарта! Ну прямо как две капли воды! Бывают же такие чудеса!»

— Позвольте рекомендовать друга моего, — Зигмунд отвесил полупоклон в сторону своего спутника. — Пан...

— Милостивый боже! — восторженно перебил пан Тадек, разве что во фронт не вытягиваясь перед гостем: — Ваше ве... ваше вы... ваше превосходительство!

Однако тот покачал головой:

— Зовите меня лучше пан Валевский. Это имя не хуже прочих.

— Слушаюсь! — рявкнул хозяин изумительным басом, и Зигмунд, невольно прижмурясь, хлопал его по плечу:

— Спокойно, пан Тадек! Спокойно! Не пора ли приняться за ужин, если, конечно, и для нас найдется корочка вашего чудесного хлебца?!

— О, пан Зигмунд! — захлебнулся радушием хозяин станции. — Да для вас... для вас! А ну, Юзефа, Аннуся! А ну!..

Зигмунд одобрительно кивнул хозяину и наконец-то соизволил обратить внимание на сидящих за столом: «Прошу прощения у дамы!» — Однако Юлии, когда эта гордая голова склонилась перед нею в изысканно-небрежном поклоне, вдруг почудилось, что Зигмунд заметил ее, едва вошел, а приветствие оттягивал вовсе не из-за суматохи, учиненной паном Тадеком, а по непонятному, оскорбительному пренебрежению к ней и в особенности к Адаму.

— Зигмунд Сокольский, позвольте рекомендоваться! — щелкнул он каблуками, подтвердив мысленную догадку, что этим широченным плечам более пристал мундир, чем статское платье.

Юлия вежливо улыбнулась в ответ. Взгляды их встретились, и ее поразило изумление, сверкнувшее в его холодновато-голубых глазах, почти мальчишеская растерянность. Да и она вдруг ощутила себя одиноким, потерявшимся ребенком, которому сейчас необходимо срочно прильнуть к чьей-то широкой груди, успокоиться в чьих-то объятиях... С некоторым усилием и даже изрядной долей презрения к себе она оторвала взор от плеч и рук Зигмунда и обратила взгляд на Адама, ибо это его плечам и рукам теперь предназначено было утешать и успокаивать ее!

Ситуация сложилась неловкая. Юлии полагалось бы ответно отрекомендоваться, однако назвать свое настоящее имя у нее не было ни малейшей охоты. Если только Адам узнает, как она водила его за нос все это время, он сейчас же вскочит из-за стола и ринется прочь от нее, невзирая на всю свою ве-

ликую любовь! Довольно и того, что он напряженно молчит, хотя из соображений приличия мог бы представить Юлию пани Коханьской, то есть своей женой, пусть это и не отвечает истине!

Между тем молчание затягивалось, и Юлия уже совсем было решила назвать девичью фамилию своей матушки — Корф, под которой и знал ее Адам, как вдруг заметила, что жених ее бледен и смотрит на Зигмунда, будто школьник на сурового учителя, ну а тот уставился на него с таким высокомерным пренебрежением, что Юлия, будь она мужчиною, тотчас вызвала бы его на дуэль за один только этот взгляд.

— Кого я вижу! — развел руками Зигмунд. — Да ведь это Коханьский! Какими судьбами здесь? Тоже спешишь в Варшаву?

Адам кивнул, затем быстро замотал головою, и в глазах его появилось затравленное выражение, ударившее Юлию в самое сердце. Она даже и помыслить не могла, что эти прекрасные тонкие черты способны исказиться таким страхом!

— Нет, — выдавил наконец Адам. — Мы, собственно... мы... — Он осекся, умоляюще глядя то на Зигмунда, то на Юлию, которая почувствовала себя дура дурой, особенно когда Зигмунд снова поглядел на нее — с тем же непостижимым выражением удивления и недоверия. И неизвестно, что было хуже: умирать от стыда под этим взглядом — или увидеть, как презрение в глазах Зигмунда сменилось нежностью, едва в поле его зрения появилась Аннуся, нагруженная таким огромным подносом с яствами, что из-за них едва виднелось ее миленькое личико и голубенькие глазки, повлажневшие от волнения.

О Юлии Сокольский позабыл вмиг, будто ее и не существовало вовсе.

— Аннуся! Светик! — воскликнул он, ловко подхватив поднос и с легкостью швырнув его на стол. — Дай же поглядеть на тебя! Боже, сколь же ты сделалась хороша да пригожа! Я всегда знал, что ты будешь красавицей, но чтоб такова?! — Он обежал нескромным взором заманчивые стати девушки.

«Красавица?! — возмущенно подумала Юлия. — Да она совершенная кукла!»

Почему-то ее невыносимо раздражала эта Аннуся, которая так и сияла в преувеличенных — слепому видно! — комплиментах этого господина.

— Ох, какая цепочка! — Зигмунд уставился на крестик, который скорее лежал, чем висел на пышненьких грудях Аннуси, расчетливо приподнятых тесным корсажем, и даже тронул эту цепочку, чтобы лучше разглядеть, ну а что ладонь Зигмунда походя огладила волнующуюся грудь, заметила только Юлия. Впрочем, нет: могучая пани Юзефа, вошедшая со вторым огромным подносом, тоже не оставила без внимания поведение дочери и так резко свела свои широкие черные брови, что Юлия даже удивилась, как это они не столкнулись с грохотом, подобно двум грозovým тучам.

— Аннуся! Помогай! — рявкнула хозяйка, и девушка отпрянула от ласкового обольстителя, который, Впрочем, успел шепнуть ей напоследок нечто такое, отчего кровь прилила к ее щечкам, а груди от волнения почти выскочили из корсета.

«Убей бог, если он не позвал ее на ночь в свою постель!» — с внезапной, свойственной только женщинам прозорливостью догадалась Юлия и послала Аннусе самый презрительный взгляд, на который была способна. Однако тут же пыл ее поутих, ибо она задумалась о собственном положении.

Бог с ним, с неодобрением этого Сокольского! В конце концов, Юлия и сама знает, что рыльце у нее в пушку. Но с Адамом-то что приключилось?! Даже если он знаком с Зигмундом и растерялся в первое мгновение, почему сейчас не встать из-за стола под предлогом усталости, не удалиться в предназначенные им покои и не забыть о неприятной встрече? Ведь они теперь принадлежат друг другу, и грядущая ночь принадлежит им — как и вся жизнь!

Она радостно встрепелась, когда Адам поднялся, но тут же ее будто ледяной водой окатили, ибо он и не глянул на свою нареченную, а, повинувшись неприметному жесту Зигмунда, вышел вслед за ним на крыльцо.

Загадочный Валеvский удалился умываться в сопровождении Юзефы, хозяйин где-то хлопотал, Аннуся, верно, приводила в порядок чувства и корсет, так что Юлия осталась в горнице одна. Черная толстая моська, лежавшая у порога, время от времени тьякала на нее, словно тоже была исполнена презрения к беглянке.

О чем они там говорят? Почему так затрепетал Адам при встрече с Сокольским? А если это какой-то родственник, изумленный тем, что Адам не в Варшаве, в своей школе подхорунжих¹, а за много миль от нее, вдобавок — в компании с дамой! А вдруг... Вдруг все дело в даме, то есть в Юлии? Вдруг Адам помолвлен или, спаси Господи, женат, а Сокольскому об этом известно, и сейчас решается ее судьба?!

Воровато оглянувшись, Юлия подхватила и шмыгнула в сени. Дверь на крыльцо была чуть приотворена, и девушку сразу охватило сквозняком,

---

¹ Подхорунжий — подпрапорщик (*польск.*).

однако его ледяные объятия казались дуновением зефира в сравнении с ледящими душу словами, доносившимися с крыльца.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — яростно вопрошал Зигмунд, но ответа Юлия почти не слышала: верно, у Адама вовсе пропал голос. Она разобрала что-то вроде «встреча», «сердце», «жениться» и поняла, что Адам рассказывает об их планах, и преисполнилась горячей надежды, что теперь-то Сокольский оставит их в покое.

— Ну прямо Троиц и Крессида! — с иронией воскликнул тот. — Все это так трогательно, что я чувствую колотье в боку! Одного не могу понять: два-три дня подождать нельзя было?! К чему такие хлопоты? Понимаю, сейчас ее отец, конечно, против вашего брака, но ведь после завершения событий девица сама упала бы к тебе в руки как созревший плод! Чего молчишь? Или... Ах вот оно что! Так ты не случайно ударился в бега именно сегодня? Ты... дезертировал?!

Юлия ожидала, что теперь-то раздастся возмущенный возглас Адама, но тот не издал ни звука. Получается, что этот Зигмунд прав?! Однако откуда дезертировал Адам? Бросил учебу — так разве это преступление?

— Вот что, Коханьский! — произнес Зигмунд после недолгого, но тягостного молчания. — Я вижу только один способ все поправить. Ты немедленно возвратишься в Варшаву, чтобы завтра же быть в деле, к которому призывают нас долг и честь! На тебя замкнуто слишком многое, чтобы я мог позволить тебе вот так всем пренебречь, подвести товарищей, поставить под удар общее дело! К тому же, промедлим сегодня — потеряем завтра. История, знаешь ли, не ждет опоздавших!

Адам что-то прошелестел в ответ, однако Зигмунд только хмыкнул:

— Коли уж между вами и впрямь такая великая страсть, то красотка дождется своего рыцаря, хотя бы и на этом постоялом дворе! Вернешься к ней с победой, овеянный славой. Кроме того, ты ведь понимаешь, что княжне Юлии Аргамаковой в такой день, каким будет завтрашний, лучше оказаться подалее от Варшавы.

Потом, позднее, Юлия не раз удивлялась, как же ее тогда не озадачили, не напугали намеки Зигмунда на какие-то особые события, которые должны произойти в Варшаве. Наверное, она слишком была поглощена любовью к Адаму и его любовью к ней, страхом, что вскрыется ее ложь... Что она уже вскрылась!

— Юлия Аргамакова? — воскликнул Адам, от изумления наконец обретший голос. — Да нет, вы что-то путаете!

— Пикантная история! — пробормотал Зигмунд. — Ты путешествуешь с особой, которая, сверх редкой красоты, считается еще и одной из богатейших невест в империи — да за такое счастье сколько рыцарей головы бы положили! — и при этом не знаешь, кто она такая?!

Поодаль прошелестели чьи-то торопливые шаги, и Юлия отпрянула к стене. Стены, впрочем, там не оказалось, и она едва не рухнула в маленький коридорчик, оканчивающийся лесенкой. Она безотчетно стала взбегать по крутым ступенькам, но почти сразу задохнулась и замерла, поникнув на перилах. Почему-то вспомнила, как обожала в детстве подслушивать под дверь, а старшие не знали, как ее отучить от этого. И вот как-то раз за чаем отец вдруг уставился на нее с ужасом и воскликнул: «Что с тво-

ими ушами? Почему они так выросли?!» Юленька недоверчиво схватилась за голову, а матушка подлила масла в огонь, грустно объяснив: «Так всегда бывает с теми, кто подслушивает!» Как назло, в столовой не оказалось ни одного зеркала, и тогда Юленька уставилась в сверкающий круглый бок самовара, надеясь, что над нею подшутили. О ужас! Мало того, что у нее и впрямь выросли уши, — все лицо ее исказилось до неузнаваемости! В самоваре отражалась вовсе не она, а некое расплывшееся, как блин, чудище! Она разразилась рыданиями, и даже когда загадка самовара разъяснилась, долго еще не могла избавиться от страха! С тех пор она навеки зареклась подслушивать и преступила свою клятву только сегодня. Однако она невольно ошупала голову, поддавшись детским кошмарам... Впрочем, в этот момент она, пожалуй, предпочла бы выросшие уши тому, что случилось.

Черт принес этого Зигмунда! Никакой он не Сокольский, а самый настоящий Вороновский! Черный ворон, ишь раскаркался: «Ар-ргамакова! Ар-ргамакова!» Ему-то какова печаль? Ему-то что до Юлии? Разве он поймет, что сначала так сложились обстоятельства, а потом уж она не могла признать-ся, считая все игрой, просто детской игрой! Сейчас игра зашла слишком далеко, и, как ни оправдывала себя Юлия, она не могла не признать одного: Адам, конечно, обманут ею.

РЫЦАРЬ СПАСАЕТ ДАМУ

 виновата во всем была оперетка. Модная оперетка про какую-то юную герцогиню — Герольштейнскую, что ли, — которой было очень тоскливо и одиноко во дворце, и она, шутки ради, переделалась в платье своей субретки и отправилась на прогулку, а в лесу повстречала молодого красивого егеря — и влюбилась в него. Вот это была жизнь! Не то что в ее дворце, где правят этикет, скука, где только и говорят о войне с соседним герцогом! Опасаясь потерять любовь, герцогиня назвалась вымышленным именем и решила оставить все: богатство, власть, замок, где она так скучала, и бежать со своим милым куда глаза глядят... Однако бдительные герцогинины министры изловили ее — и егеря тоже — на месте преступления. Тут-то и выяснилось, что егерь — вовсе не егерь, а тот самый соседский герцог, с которым нашей герцогине следовало начать войну! Разумеется, вместо войны сыграли свадьбу...

Почему-то сия незамысловатая история тронула Юлию до глубины души. Вот здорово, подумала она тогда, если бы такое чудное приключение произошло с ней! А то жизнь так скучна, так однообразна! Она бросила упрек небесам и попросила для себя чего-нибудь эдакого, невероятного...

С чего началось приключение отчаянной герцогини? С переодевания. И первым делом Юлия перевернула все шкафы и сундуки и отыскала синее мериновое платье с белой кружевной отделкой — одно из ее домашних платьиц времен еще институтских. Буколки уложила как можно скромнее, ну а капор своею незамысловатостью заставил бы зарыдать от умиления даже самую суровую бонну. Она знала все черные ходы в доме, укромные переходы, известные только прислуге, и ей не составило труда ускользнуть от бдительного ока взрослых этими тайными путями. Без помех выбралась и за ограду сквозь укромную калиточку в проулок, повернула за угол — и просто-таки ощутила, как растворилась в суете и гомоне Нового Свята — главного променада Варшавы.

Воздух города пьянил, дурманил, Юлии хотелось зайти в каждую лавочку, постоять у всякой витрины, примерить каждую шляпку, напяленную на восковую раскрашенную болванку, приложить к платью всякий кружевной воротничок, приостановиться возле всякой торговки, купить золотистых, пузатеньких, горячих, усыпанных маком бубликов, называемых «пляцки», или — о, ужас! — насыпать в карман семечек! И букетик, хоть самый простенький, из братков, левконьев или вовсе румянок¹. Ну

---

¹ Братки, левконья, румянки — анютины глазки, левкой, ромашки (*польск.*).

что-нибудь сделать такое, чего она никогда не делала! Однако цель ее пути была впереди. И она не хотела заменять на маленькие радости большую, главную, заветную. Чашка кофе в «Вейской каве» — вот это приключение! Вот это эпатаж!

«Вейска кава» — «Деревенская кофейня» на окраине Варшавы, место самое любимое и всеми посещаемое. Все Юлечкины подруги там побывали и наперебой рассказывали о прелести этого местечка, о раскованности (но не распушенности!) тамошних нравов. Ну и уж само собою — в доме Аргамачих посещение «Вейской кавы», этого гнездилища разночинцев, загоновой шляхты¹, как презрительно выражался князь Никита Ильич, было мало сказать запрещено — немыслимо, невозможно! А коли так, Юлия, «неслух своеобычный», непременно должна была там побывать.

И побывала! Она сидела на лавке за широким деревянным столом, она глядела на очаг, уставленный множеством кофейников и гарнушек с кипячеными сливками, она с упоением прихлебывала горько-сладкую, мутно-пенистую «каву» — как все! как взрослая! как настоящая эмансипе! Сначала ежилась от смущения, но постепенно освоилась и даже отвечала — глазами, разумеется! — на заинтересованные взгляды молодых щеголеватых панов, втихомолку мечтая, чтобы кто-нибудь попытался с нею заговорить. Но хоть мужчины и щедро одаривали ее взорами, никто, даже белокурый и очень красивый юноша, который просто-таки глаз с Юлии не сводил, не проронил ни словечка. Пооглядевшись, она поняла, что явно перестаралась с маскировкой! За

---

¹ Загонова шляхта — мелкие, беднейшие дворяне (польск.).

три года, пока синее платье пылилось в шкафу, мода разительно переменялась. Теперь уже никто не носил платица, перехваченные под грудью. Все платья обтягивали талию, юбки изящным веером распадались по полу, закрывая ноги, так что Юлия оказалась чуть ли не единственной дамой, выставившей на всеобщее обозрение не только туфельки, чулочки, но и кружевные оборочки панталон.

Главное дело, полны шкафы наимоднейших туалетов, а Юлия выглядит — хуже некуда! Наверное, тот красивый белокурый пан смотрел на нее вовсе не с восхищением, а с презрительным недоумением: откуда, мол, взялось этакое чучело?

Сияющий день померк. А стоило представить, что придется возвращаться, и тогда уже все увидят ее обветшалый туалет, как настроение и вовсе испортилось. Однако Юлия и вообразить не могла, какой ужас ждет ее впереди.

Она просидела в «Вейской каве» не меньше двух часов, и, хочешь не хочешь, наступала пора уходить. Юлия еще раньше заметила, что посетители, поднимаясь из-за стола, что-то кладут рядом со своими кружками, а потом половой, или, как его здесь называют, кельнер, уносит грязную посуду и то, что оставлено. Она пригляделась — это были монетки в один золотый. И, только увидав эти блестящие кругляшки, она поняла, в какую жуткую попала историю! У нее не было не то что золотого — ни копейки, ни алтына, ни полушки, ни гроша ломаного! Еще ни разу в жизни ей не приходилось что-то покупать самой, а значит, платить. Всегда рядом была матушка, которая указывала, куда прислать выбранную Юлией безделушку: дома и расплачивались с лавочником. Почему-то ей и в голову не пришло, что может быть иначе. И что теперь делать? Отправлять

кельнера в особняк отца получить за чашку кофе?! Да и кто поверит, что плохо одетая паненка — дочь всесильного генерала Аргамакова?

Вдобавок поляки уж конечно не упустят случая поиздеваться над попавшей впросак русской. Нет, нельзя даже упомянуть имя отца, нельзя его скомпрометировать. Ох, не оберешься скандала! Кельнер уже и так поглядывает с подозрением. Что же с ней сделают? Позовут городского? Потащат в участок? Выгонят взащей? На глазах у всех, у всех, и у того золотоволосого красавца?! Мало того, скажет он, что одета безобразно, так еще и мошенница! И она едва не шмыгнула от ужаса под стол, когда этот красивый пан вдруг подошел к ней и почтительно поклонился.

— Пшепрашам, панна... — он запнулся, робко взглядывая в испуганные глаза Юлии. — Не вы ли уронили вот это?

Молодой человек нагнулся — Юлия проворно спрятала ноги под скамейку, чтобы он не заметил проклятые кружева панталон — и поднял блестящий кружок.

Злотый! Боже великий! Ее спасение!

— Да! — не задумываясь, воскликнула Юлия. — Спасибо! Спасибо большое!

Она помахала кельнеру, хмурое лицо которого выразило нескрываемое облегчение, и с признательностью воззрившись на своего спасителя, стараясь не углубляться в опасные размышления о том, впрямь ли монетка валялась под столом или юноша каким-то образом угадал, что у Юлии нет денег, и решил заплатить за нее столь деликатным способом. Чем не рыцарь? И он был так красив, так ласково улыбались янтарные глаза в обрамлении круто загнутых золотистых ресниц, так очаровательно

вились надо лбом мягкие кудри, так трогала душу легкая улыбка, что Юлия не смогла отказать пану Адаму Коханьскому, когда он решил проводить ее до дому.

Оказалось, он учился в школе подпрапорщиков. Это несколько погасило романтический нимб, уже сиявший вокруг его золотоволосой головы. Юлии, часто видевшей подпрапорщиков, они казались необычайно угрюмыми и неприязненными существами. К тому же отец всегда был против обучения польской молодежи польскими же наставниками, уверяя, что там насаждают идеи возрождения Великой Польши, и школа подпрапорщиков — хорошая пороховая бочка, так же, впрочем, как Варшавский и Виленский университеты. Однако все подпрапорщички, вместе взятые, — это одно, а вот Адам — совсем другое! Прогулка с ним вдоль стены, опоясывающей Старый город, показалась Юлии упоительной. Руки ее были нагружены теми самыми букетиками незатейливых цветов, о которых она так мечтала. Адам, верно, решил не оставить без внимания ни одну цветочницу. Конечно, ни от одного из своих поклонников Юлия и помыслить бы не могла принимать такие бесцеремонные подношения, но сейчас по варшавским улицам рядом с этим пригожим кавалером шла вовсе не одна из богатейших невест России Юлия Аргамакова, а Юленька Корф, приехавшая из России навестить свою дальнюю родственницу, служившую горничной у супруги генерала Аргамакова. Она в придуманном не стеснялась, уверенная, что ее упоительное своей внезапностью приключение едва ли будет иметь продолжение. Однако, прощаясь с нею у маленькой калитки на задах аргамаковского дома, Адам вдруг робко попросил о новом свидании.

Юлия растерялась. Об этом она и мечтать не смела! Все происходило в точности как в той оперетке про отчаянную герцогиню. И все-таки — бегать на свидания! С мужчиной! Будто какая-нибудь горничная! Юлия в нерешительности взглянула на Адама, всем сердцем желая сказать «да» — и боясь этого.

Адам с улыбкой взял ее за руку — из целей той же маскировки Юлия не надела перчаток — и поднес к губам. Но не приложился почтительно, а повернул ладонь и, тихонько подышав на нее, провел губами от запястья к кончикам пальцев, щекоча нежную кожу своим теплым дыханием и шепча:

— Придете, панна Юлия?

Он не целовал ладонь — только касался ее шепчущими губами, и эти щекочущие прикосновения вдруг отняли у Юлии силы. Дрожь прошла по телу, загорелось лицо. Она вырвала руку, метнулась в калитку, не позаботившись запереть ее за собой, но успев отчаянно шепнуть в ответ:

— Приду! Приду! Ждите!

* * *

Вот так все это и началось, но если Адам Коханьский оказался столь самонадеян, чтобы вообразить, будто именно он прельстил и соблазнил эту сорвиголову, то он ошибался. Прельстили ее и соблазнили недозволенная свобода, смелость обхождения и уверенность, что наконец-то она сама решает участь свою.

Юлии не раз приходилось слышать споры отца с матерью: в кого дочка такая уродилась? Романтический тревожный дух ее, замкнутый в слишком тесной сфере, бился как птица в дорогой клетке.

И не зря князь Никита Ильич при виде дочери частенько вспоминал, как принц де Линь сказал Екатерине Великой: «Если бы вы родились мужчиной, то, конечно, дослужились бы до фельдмаршала!» И ее ответ: «Не думаю. Меня убили бы в унтер-офицерском чине!»

Вот из таких была и дочь его, про которую даже денщики говорили, мешая восхищение с неодобрением: «Не девка, а ветер из крымских степей!» Юлия качалась на качелях, едва не перекидываясь через перекладину, стремглав носилась в горелки или скакала без седла, запрыгивая на коня с разбега. Отец, видевший в ней враз и дочь, и сына, которого он так и не дождался, шутки ради научил ее стрелять и фехтовать, и делала это Юлия презрительно. Не отставала дочь от отца и на охоте, которой тот предавался со страстью, ибо охота напоминала ему войну.

Многих женщин томили стеснительные нравы того времени, дамы пытались протестовать против отжившего порядка вещей ребяческой удалью, подражанием мужчинам, убежденные, что независимая жизнь уравнивает положение женщины с независимым положением сильной половины рода человеческого. Женщинам хотелось привольной, другой жизни, но какая она вне кутежа, вне грубости, они понять еще не могли. Ища свободы, они находили разнузданность, распущенность. Ну а для таких пылких натур, как Юлия, живших не умом, а сердцем, никем не руководимым, вольно предававшимся фантазии, желанная свобода и воля сводились прежде всего к свободе в любви.

Впрочем, хотя прежде руки Юлии не раз просили, родители не неволили ее в выборе — точнее, в отказах. Так, одному императорскому курьеру, че-

ловеку премилого обхождения, с порядочным состоянием и связями при дворе, она отказала лишь из-за его фамилии — Пивововов. Если в мужском роде это звучало более или менее забавно, то в женском — Пи-во-во-во-ва — просто чудовищно! И уехал в Санкт-Петербург бедняга курьер, едва не плача, не зная и не понимая, за что была немилостива к нему красавица.

О, родители могли позволить себе не неволить дочь! Юлия до сих пор толком не знала, в шутку или всерьез отец к месту и не к месту вспоминает своего боевого друга, графа Бельша, с которым шел в двенадцатом году от Москвы до Парижа, а потом, отыскав во Франции похищенную жену свою Ангелину с дочкой Юленькой, обменялся с сотоварищем словом помолвить свою дочь с его сыном, которому в ту пору исполнилось всего семь лет. Впрочем, и невеста недалеко ушла от жениха: ей и года не было во время той заглазной помолвки! И хотя с тех пор ни единого разочку не объявлялись ни старый, ни молодой Бельши в доме аргамаковском, Юлии не больно-то легко было жить под дамокловым мечом могущего быть отцовского безоговорочного заявления: «Известно ли вам, милостивая государыня, что вы выходите замуж?..» Такие заявления в те поры были обычным делом, и Юлия могла почитать себя счастливой хотя бы оттого, что знала фамилию своего нареченного! Ей хотя бы не предстоит услышать жутковатого окончания фразы: «...а за кого — узнаете после!» И все-таки она не могла поверить, что такая судьба ей уготована. Выросшая в семье, вековым заветом которой была смертельная, обоюдоострая любовь, многожды слышавшая истории жизней Елизаветы Елагиной, Марии Строиловой и матери своей Ан-

гелины Корф¹, Юлия доподлинно знала: на меньшее, чем продолжение семейных традиций, она не согласна. Она не уподобится множеству своих подруг, которые уверены, что любовь — лишь не существующая в реальности тема для разговоров и стихов модных Гюго и Мицкевича, а потому скорее готовы были выйти замуж без любви, чем остаться в старых девах: мол, сама соскучишься и всем наскучишь! Она будет ждать, искать, надеяться! И Адам, романтический красавец, всего лишь поцеловавший ее руку, но так, что она потом всю ночь видела буйно-страстные сны, показался ей именно тем героем, о ком смутно грезила душа.

Конечно, и помыслить невозможно было, чтобы отец позволил ей не то что замуж — на свидание к Адаму идти! Да и тот, конечно, еще сто раз подумал бы, прежде чем подойти к столу в «Вейской кафе», когда бы знал, что за ним сидит не какая-то перепуганная хорошенькая паненка, а дочь всевластного генерала Аргамакова! Разве что начальник варшавских жандармов Рожнецкий стяжал более неприязни в Польше, чем этот генерал от кавалерии, в 1813 году бравший Варшаву воистину огнем и мечом, теперь — один из ближайших друзей великого князя Константина Павловича, ненавидевший даже упоминание о Речи Посполитой и не скрывавший раздражения ко всему, что казалось ему чуждым русской жизни!

---

¹ Персонажи романов Е. Арсеньевой «Тайное венчание», «Опальная графиня» («Возлюбленная Казановы»), «Обретенное счастье» («Шальная графиня»), «Звезда королевы» («Дуэль на брачном ложе»), «Бог войны и любви» («Поцелуй фортуны»). Книги выходили в издательстве «Эксмо» также под другими названиями.

В отличие от отца Юлия никакой особой беды в польском гоноре не видела. Разве просто расстаться с воспоминаниями о былом могуществе Великой Польши?! И потом, разве справедливо, к примеру, что Франция, зачинщица войны, осталась независимой, просто сменила диктатора на законного, богом данного монарха, а Польша вообще утратила волю свою и была насильственно разделена между победителями?! Понятно, что поляки не жалуют русских, видя в них захватчиков. Впрочем, чем так уж особенно хуже жизнь в Варшаве, чем жизнь, скажем, в Москве, было бы затруднительно определить даже самому недоброжелательному взору.

Рассуждая так, Юлия не учитывала одного: французы для русских были чужаками, поляки же — братьями, предавшими братьев своих в последней войне... Как предавали, впрочем, нередко и в века минувшие, снюхиваясь то с турками, то с немцами, то с ливонцами, то со шведами — лишь бы посильнее уязвить Россию во имя удовлетворения того самого ненасытного польского гонора, который вошел в пословицу. Юлия была слишком молода и, честно сказать, еще глупа, чтобы видеть в каждом частном поступке или чувстве отражение вековой неприязни двух славянских народов. Она знала только, что ей безумно нравился Адам, однако не видать его как своих ушей, ежели положиться на добрую волю отца — да и самого Адама. «Что бы ни говорили о возвышающей силе любви, все любят ради себя, а не ради того, кого любят!» — думала Юлия. Вот он, вожделенный случай взять наконец свою судьбу в свои руки, распорядиться ею как желательнее! А если ради этого нужно пойти на небольшой обман — за чем дело стало?!

«ВАШ МИЛЫЙ ДУМАЕТ О ВАС!»

 может быть, не так уж все страшно обернулось, как показалось Юлии с перепугу? В конце концов, ее любовь к Адаму не уменьшилась оттого, что он бросил какое-то там дело ради побега с нею. Так неужто ж и Адам не смягчится, поразмыслив, сколь многое она покинула ради него? Любовь извиняет все, а потому Адам должен простить ее! Что бы сделать, как бы поступить, чтобы уж наверняка этого добиться? Не поговорить ли с ним, не объяснить ли начистоту? Или, напротив, затаившись, ждать, пока он сам явится к ней с упреками — и развеять все их слезами, мольбами, ласками?

Адам такой нежный, такой ласковый — устоит ли он, если Юлия кинется к нему с жаркими поцелуями? Неужто не растопят они лед его обиды?

Ах, что делать, что делать? Вот ежели бы оказался рядом кто-то премудрый, преопытный, с кем можно было бы посоветоваться!

Юлия задумчиво поднялась по лесенке и очутилась в квадратном коридоре, уставленном по углам креслицами и диванчиками. Даже кадка с фикусом поместилась в этом тесном, но уютном местечке, назначенном, верно, для отдыха и бесед панов проезжающих. Однако сейчас в укромнейшем уголке возле деревянного инкрустированного столика одиноко сидела немолодая женщина, одетая в черное платье с белым кружевом и черный чепец. Единственное, что разнообразило ее унылый туалет, это тонкая шаль дивного переливчатого оттенка: не то темно-синего, не то темно-зеленого, да еще с золотым блеском. Дама была столь маленькая, тщедушная, что пряталась за могучим фикусом, будто птичка от дождя под веточкой.

Юлия отвесила незнакомке легкий полупоклон и задумчиво воззрилась на полускрытые портьерами двери, выходявшие в коридор: которая, интересно бы знать, ведет в отведенную ей комнату? Хорошо бы там отдохнуть, поуспокоиться, обдумать, как быть дальше...

И вдруг какое-то движение отвлекло ее взор. Она глянула в сторону дамы — и увидела, что та перетасовывает карты и раскладывает на столике пасьянс.

Юлия любила пасьянсы. Любила пустяшные вопросы, на которые можно было найти ответ, если картинки сложатся так, а не иначе, любила двучленные, двусмысленные изображения карточных королей, дам, валетов, их застывшие, надменные, насмешливые лица, в которых таился намек... Карты могли пророчить, и Юлии всегда хотелось по-настоящему поворожить на судьбу, но ни одной истинной гадалки, вроде знаменитейшей мадам Ленорман, предрекшей Наполеону его восход и закат, она еще не видела. А вот эта дама в черном очень похожа на гадалку...

И не успела она так подумать, как дама подняла на нее лицо — его тонкие черты, подернутые вуалью морщинок, хранили следы красоты замечательной! — и с улыбкою спросила:

— Не желает ли пани изведать свою судьбу?

Юлия изумленно уставилась на даму, почти испуганная тем, что небеса так скоро отозвались на ее мольбу и послали ей столь необходимую советчицу. В ее по-птичьи остреньком личике было что-то маняще-коварное, льстиво-лживое, как во всех карточных дамах, вместе взятых, и Юлия, неотрывно глядя в миндалевидные, жгуче-черные глаза, глядевшие на нее с властно-насмешливым выражением, согласно кивнула. Как зачарованная, подошла она к даме, села, покорно сдвинула («Левой рукой, от сердца!») часть колоды, потом еще раз, еще... потом с быстротою вихря на столе раскинулся веер карт — и гадание началось.

Надобно сказать, что для этой цели незнакомка вынула из шелковой черной сумочки совсем другую колоду — не ту, которую использовала для пасьянса, ибо «судьба пустых забав не любит», как пояснила она с чрезвычайной серьезностью, от которой у Юлии холодок побежал по спине. Она никогда прежде не видела таких карт: фигуры на них были изображены в полный рост, и когда она хотела перевернуть одну даму, оказавшуюся вверх ногами, гадалка испуганно схватила ее за руку: «При перевороте фигура получает совершенно другое значение!»

— Перевернутая Бланка означает, что загадывающее лицо в беспокойстве! — взглядываясь в карты, произнесла гадалка, и Юлия подумала, что ее беспокойство у нее на лице написано, да и разве обратится к гадалке человек, у которого на душе спо-

койно и нет тревожных мыслей? Она поправила снисходительно:

— Меня зовут Юлия, а не Бланка.

Гадалка с легкой улыбкой объяснила, что бланка — это карта, означающая Юлию. Не бубновая дама, ибо ею может оказаться вовсе другое лицо — а именно особенная, отдельная карта бубновой масти, и это — «млада, ладна панна».

В своей привлекательности Юлия никогда не сомневалась. Карты, значит, тоже в этом уверены? Спасибо им!

— Млада, ладна панна сейчас в гостинице, — сообщила гадалка.

Поразительная наблюдательность! Неужели, чтобы установить это, нужно так внимательно всматриваться в перевернутого туза червей и короля той же масти, лежащего вниз головой, а не оглядеться вокруг?

— Перевернутые валет червей и бланка означают, что панна думает о молодом человеке, — сказала гадалка, и, не успела Юлия усмехнуться: «А что, есть панны, которые не думают о молодых людях?», уточнила: — Панна полагается на одного человека — видите, бубновый король рядом с семеркой пик? — но четыре семерки гласят, что это — неверный человек!

Юлия растерянно моргнула. Адам — неверный человек?! Глупости какие. Впрочем, да, Сокольский говорил же о дезертирстве... Ну, это ничего! Слово «неверность» имеет для Юлии, как и для всякой женщины, одно, совершенно определенное, значение.

И тотчас гадалка ее успокоила:

— Молодой человек страдает от любви.

Ну слава богу! Знать, еще не все потеряно?

— Ах, военный переменится к вам!

Военный? Какой еще военный? Он-то откуда в колоде взялся? Ах да, это Адам с его школой подпрапорщиков! Или несусветный Зигмунд? Он, стало быть, изменится к Юлии? Да зачем ей это?! Нет, нельзя ли поточнее?

— Вы разойдется с молодым человеком.

Это нечестно! Ведь, моля о совете, Юлия хотела услышать одобрение, а вовсе не безжалостный приговор! Впрочем, с чего это она так отчаялась? Почему слепо поверила незнакомой женщине, которая несет что в голову взбредет? Такое пристало бы наивной до глупости Аннусе, но уж никак не барышне, которая, одна из немногих, отважилась сама распорядиться своею судьбою! Надо сейчас же пойти прочь, не слушать более эту врушу...

Означенная «вруша» тем временем быстро собрала и перетасовала карты, а потом принялась метать их на стол по две-три, опутывая бланку их причудливым хороводом, опутывая Юлию вязью слов, гипнотизируя быстрыми движениями, мельканием разноцветных пятен, лживых улыбок, лукавых взглядов, суетливых гримас карточных персонажей:

— Вот восьмерка и валет червей. Ваш милый думает о вас! Но вы не должны упускать удачу. Вы собираетесь что-то сделать? И сделайте! Девятка и семерка бубен гласят, что промедление принесет вам неприятности. Последовав совету карт, вы сойдется с замечательным человеком. Видите этого короля червей? А рядом король бубен — стало быть, это влиятельный человек, большой барин, вельможа. Он ждет вас! Туз пик лег вершиной вниз рядом с бубновым валетом. Далее предстоит любовь с этим королем. Мало сказать... это страстная лю-

бовь. О, три туза, трэф, бубен и пик указывают на беспутство... *Беспутство!* — значительно повторила она, подняв черные глазки на вспыхнувшую Юлию.

Слово «беспутство» очень не понравилось Юлии. А гадалка продолжала:

— Будьте осторожны на пути забвения приличий: что-то приведет вас в отчаяние, более того — перевернутые десятка пик и восьмерка червей пророчат внезапное потрясение, удар!

Гадалка вскинула свою маленькую головку и сбоку, по-птичьи, взглянула в лицо Юлии. Оно давно утратило хмурое, недоверчивое выражение: Юлия сидела как пришитая, глядя во все глаза, слушающая во все уши.

Спрятав довольную усмешку тонких лукавых уст, гадалка нетерпеливо передернула плечами — и заиграли синие, зеленые, темно-золотые огни ее шали:

— Это предсказание на ближайшее время. А вот что говорят карты о том, что в ногах бланки: что ей предстоит не так скоро. Та-ак... десятка пик и перевернутая восьмерка трэф означают, что вы встретитесь с молодой брюнеткой. А перевернутый бубновый валет и червонная дама подсказывают, что это иностранка. Четыре девятки — вас ждет неприятная неожиданность. Четыре семерки — вас впутают в какую-то интригу. О, какие плохие карты! Берегитесь тюрьмы! Обратите внимание на эту десятку бубен и восьмерку червей — они пророчат вам дорогу... А что в конце ее?

Гадалка медленно, нарочито медленно вытасила две карты... пристально взгляделась в них и радостно закричала:

— Какое счастье! Перевернутый червонный король и туз этой же масти! Все окончится венчанием!

Юлия тупо моргнула, не веря своему счастью. Тяжелая рука страха, стиснувшая сердце, медленно разжалась. Стало быть, все обойдется?! Все беды избудутся?! Она уже расплылась было в признательной улыбке, однако гадалка никак не могла уняться:

— А теперь последняя карта. Карта судьбы!

Юлия воззрилась на нее с опаскою. Ну что это такое, будто на качелях качаешься: то взлетаешь к вершинам блаженства, то рушишься в пропасть отчаяния. Сейчас эта особа ка-ак ляпнет что-нибудь безнадежное, развеет сладостный туман мечты...

Но нет — лицо гадалки не утратило умильного выражения, когда она вытащила заветную карту. Впрочем, оказалось, что это две карты приклеились одна к другой, и гадалка восхищенно откинула руки:

— Червонная семерка! Червонный валет! Ваш милый думает о вас!

Сердце Юлии глухо стукнуло в самом горле.

«Ваш милый думает о вас!» Какие дивные слова!

Она зажмурилась, смаргивая внезапные слезы, а когда открыла глаза, ни гадалки в кресле, ни карт на столе уже не было. Сквозняк шевелил потертые портьеры на дверях, да с улицы постукивала клювиком в окошко сорока с белой грудью и черными крыльями, отливающими по временам то синим, то зеленым, то темно-золотым блеском.

Юлия невольно перекрестилась. Сорока всполошенно забила крыльями, спорхнула с окна, и только сейчас Юлия поняла, что на дворе уже ночь.

* * *

На лестнице послышались торопливые шаги нескольких человек: вероятно, это хозяин провожал гостей в отведенные им комнаты, и множество дру-

гих шагов. Юлия заметалась в панике, ввалилась в первую попавшуюся дверь — и с облегчением перевела дух: на кровати лежал ее салоп, на полу стоял ее баул — это отведенная ей комната. Слава богу, можно здесь отсидеться, можно не показываться, можно избежать встречи с насмешливыми глазами Сокольского и негодующими — Адама, можно обратиться с мыслями. Она припала к щелке: пан Валевский вошел в боковую дверь. Адам и Зигмунд — в комнату напротив ее спальни. Так, ясно. Сюда, стало быть, их определили на ночлег, обоих вместе. А она одна. И еще час назад она не сомневалась бы, что лишь только сосед уснет, Адам выскользнет из своей постели и прокрадется к ней. А теперь? Как он поступит теперь?

Чтобы не мучиться попусту в догадках, Юлия сняла платье и как следует причесала свои круто вьющиеся светло-русые волосы, заплела в две косы — как всегда на ночь. Пришли на память две тугие Аннусины косы, переброшенные на пышную грудь, по которой блуждала ладонь Зигмунда, — и почему-то сразу настроение, без того неважное, испортилось еще хуже. Стиснув зубы от злости на Зигмунда, на Аннусю, на себя, она спустила на пол сорочку и принялась мыться, благо хозяйство на этой захудалой станции велось на манер европейский и постояльцев ожидали тазы и кувшины с горячей водой. Намывшись дорогим парижским мылом, Юлия хмуро вынула из баула новую тоненькую сорочку и окутала в нее свое стройное, пышногрудое и длинноногое тело, зарозовевшее после горячей воды. Сорочка тоже была розовая, и когда Юлия увидела в зеркале, как приманчиво стекает мягкий шелк с плеч, какие нежные отсветы бросает ей на щеки, она отчаянно пожалела своей красоты, пропадающей без толку,

и посулила злокозненному Зигмунду нынче же ночью свершения всяческих неприятностей, с которыми он не смог бы развязаться во всю свою жизнь.

С улицы донеслись голоса, и Юлия, не сдержав любопытства, подскочила к окну. Неужели кто-то еще приехал? Если среди новых гостей будет дама, вполне может статься, что Юлии придется потесниться: в ее комнатке есть еще одна кровать, и тогда... тогда Адам... Ох нет, слава богу! Приезжих во дворе не было, а хозяин и работник выводили под уздцы из конюшни лошадей.

Батюшки! Да ведь это уезжает пан Валевский — его орлиный профиль и сутулые плечи Юлия узнала даже во мраке, рассеиваемом лишь тусклым фонарем. Куда это он собрался?! Надо полагать, дела, зовущие его в Варшаву, столь неотложны, что вынуждают отправиться в путь ночью, не отдохнув, да еще в самую непогоду. Незаметно разыгралась на дворе настоящая буря, полил дождь, ветер беспощадно трепал голые ветви, и Юлия мимолетно подивилась, почему ноябрь по-польски зовется листопадом, в то время как уже давным-давно на деревьях не осталось ни разьединого листочка. Так, а для кого же вторая лошадь? Вглядевшись, она тихонько взвизгнула от радости, узнав приметный плащ с пелериной, обтянувший широкие плечи.

Да ведь это Сокольский! Сокольский сопровождает пана Валевского! Верно, важные дела зовут в Варшаву сего наполеоноподобного господина. И тут Юлия, ахнув, даже по лбу себя шлепнула: как же ей сразу в голову не пришло! Да ведь сей Валевский потому столь схож с Бонапартом, что он — сын Корсиканца и той самой легендарной польской красавицы Марии Валевской. Да конечно, конечно же! Юлия слышала прежде, будто Флориан-Алек-

сандр-Жозеф-Колонна, граф Валевский, родился в 1810 году, а в 1824 впервые появился в Польше. Не по годам развитый, образованный, привлекательный, вдобавок овейанный наполеоновской легендой, он заинтересовал не только варшавских столпов шляхетства, но и великого князя Константина Павловича, которого встревожило появление сына Бонапарта, носящего, кроме того, историческое польское имя. Сначала Константин пытался привлечь его к себе и, невзирая на молодость, даже предложил ему должность личного адъютанта. Но, поскольку надменный юноша был решительно против службы у тех, кто сокрушил величие его отца, отношение к нему властей круто переменялось: за Валевским был даже установлен негласный полицейский надзор. Сыну Наполеона быстро надоело это притеснение, и он стал хлопотать о выезде во Францию. Когда длившиеся несколько месяцев попытки получить паспорт оказались безрезультатными, он решил уехать нелегально. Переодетый, после многих приключений, он добрался до Санкт-Петербурга, а там проник на английский корабль, которым и доплыл до Франции.

И вот эта важная персона снова в Польше... Конечно, Юлия не ошиблась — достаточно вспомнить, как был потрясен при виде его хозяин гостиницы. Что же нужно Валевскому столь срочно в Варшаве, ежели он пустился в путь в такую ужасную ночь? Но и слава богу, что дела столь неотложны: ведь с ним уехал и ее враг! Ох, как быстро, как своевременно сбылось ее проклятие! Надо надеяться, Сокольский нынче ночью промокнет до мозга костей, невзирая на свой плотный плащ. Да будь воля Юлии, к нему бы еще и хвороба какая-нибудь неотвязная прицепилась: хоть горячка, хоть чахотка!

В это время всадник, словно почувствовав что-то, поднял голову — Юлия едва успела отпрянуть от окна.

Поезжай, пан Зигмунд! Юлия Аргамакова, которой ты чуть не испортил нынче вечером жизнь, не помашет вслед!

Юлия сорвала с постели покрывало и прыгнула под перину, поджимая колени к подбородку, чтобы скорее согреться, возбужденно перекатываясь с боку на бок. Потом она быстро взбила подушки, легла на спину, не забыв красиво уложить косы на грудь. Хотела погасить свечу, но раздумала: пусть Адам, чуть войдет, увидит ее улыбку, поймет, как она ждала его! Пусть горит свеча, ее хватит на всю ночь.

Свеча догорела почти до конца, прежде чем Юлия поняла, что Адам не придет.

* * *

Не придет!

Сколько сладостных картин, сколько тайных мечтаний могли бы воплотиться в явь нынче ночью! От нескромных мыслей своих Юлия так разгорелась, что все тело ее нетерпеливо жаждало утоления любовью. А он не придет! Не сбудется ее великая любовь, не суждено им с Адамом жизнь провести друг подле друга и умереть в один день, как умерли ее предки княгиня Елизавета и князь Алексей Измайловы.

Неужели коварные слова Зигмунда столь крепко уязвили Адама, что он забыл свой долг перед девушкой, которую сманил из дома родительского и завез бог весть куда? Ну разве Юлия поверила бы

так безоглядно его словам, которым сияние звездобразных очей придавало особую неотразимость, когда б могла только помыслить, что он способен так легко отвернуться от нее?! Ведь это низко, неблагородно! Или... Или, напротив, благородно? Что, если Адам намерен отвезти ее поутру в Варшаву не тронутой, вручить отцу, точно пакет государственной важности, случайно потерянный: вот, мол, документ, никто его не вскрывал, все печати на нем целехоньки?!

Юлия вскочила с кровати и заметалась по комнате, не в силах более сдерживать ярость и кусая кружевную оторочку своего платка. До смерти хотелось сейчас разбить, порвать что-нибудь, грохнуть об пол!

А отчего она ждет здесь Адама, как покорная невольница — султана?! Может быть, он нейдет лишь потому, что боится ее обиды, неласкового приема, теряется в догадках, почему она убежала из гостиной?! Он ведь не знает, что Юлия подслушала их разговор с Зигмундом — вернее, речь Зигмунда! И мучается сейчас так же, как и она. Не спит, ждет, томимый желанием... Не зря же карта судьбы гласила: «Ваш милый думает о вас!»

Тепло, легко стало на сердце, нежная улыбка взошла на уста. Как говорят на том же Востоке: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе!

В этот миг, затрещав, погасла свеча, как бы для того, чтобы Юлии не было стыдно своего отчаянного решения. И, ощупью отыскав дверь, она вышла из своей спальни — для того, чтобы через мгновение войти в другую — напротив.

ОБЕЩАННОЕ БЕСПУТСТВО

*Т*ам тоже не горел ночник, и, пока глаза привыкали к темноте, Юлии пришлось постоять у двери, вдыхая запах табака, и пыли, и кельнской воды, и хорошей перчаточной кожи, и еще чего-то особенного. Словом, запах мужчины.

Она по-прежнему ничего не видела: на окнах даже занавески были задернуты, наверное, чтобы не впустить тревожный лунный свет. Какая там луна! Все небо затянуто тучами, ветер ярится, и дождь стучит в окно. А здесь так тепло, так тихо. Так томно!

В углу послышался какой-то шорох, бормотанье; Юлия шарахнулась было, но тут же поняла, что это спящий повернулся на другой бок. Стало быть, кровать там. Да, ее очертания выступили из тьмы, и Юлия торопливыми, невесомыми шажками добралась до нее, постояла мгновение, глубоко вздохнув, и хоть она осторожно присела, а потом прилегла с самого краешка, у нее было

такое ощущение, будто бросилась она в эту роковую постель как в омут.

Юлия ожидала, что Адам вскинется с испугу — и либо набросится на нее, либо отпрянет, однако он только повернулся на спину — и снова затих, чуть склонив голову, так что его глаза, которые она чаяла и боялась увидеть, были скрыты глубокой тьмой. Сбившееся дыхание его выровнялось, и Юлия поняла, что он крепко спит.

Однако! Что-то непохоже на любовные терзания! Да полно — ждал ли он ее? Жаждал ли? Вот смешно будет, если Юлия сейчас уйдет так же бесшумно, как пришла, а он будет спать без просыпу, даже не узнав, что возлюбленная лежала с ним в одной кровати! Нет, глупости. Юлия вспомнила, с каким выражением гадалка тыкала тоненьким пальчиком в карты: «Беспутство! Беспутство!» — и едва подавила нервический смешок. Нельзя обмануть ожиданий карт. Бланка уже сделала первый шаг — сделает и второй. Не уйдет отсюда, не добившись своего, не закрепив за собою все права на Адама!

Мелькнула трусливая мыслишка, что для этого, быть может, достаточно, чтобы Адам утром обнаружил ее лежащей рядом, но Юлия, хоть и мало знала о любодействе, все же понимала, что это — воистину действие, которое трудно забыть, разве что человек будет сильно пьян. Она потянула носом — дыхание Адама свежо и чисто: он не пьян. Опять же поутру на этих пахнущих свежестью полотняных простынях должны остаться некие следы — иначе Адам нипочем не поверит, что Юлия принадлежала ему ночью!

Отрезвляющая мысль о том, чего она с такой готовностью вознамерилась лишиться, едва не вынесла Юлию прочь из этой комнаты, подобно порыву

студеного ноябрьского ветра, уносящего жалкий, обезумевший листок от ветки, но она уже слишком далеко зашла, чтобы отступить, а потому, мысленно перекрестившись, осторожно положила руку на грудь спящему мужчине. И тут же будто молния ее прошила! Грудь была обнажена. Бедра тоже. Адам спал без одежды!

Среди сонма беспорядочно-испуганных мыслей была одна настолько неожиданная, что Юлия поразилась своей деловитой фривольности: как ей лучше поступить — раздеться ли самой или предоставить это нетерпеливым мужским рукам? Впрочем, Юлия тотчас об этом забыла, захваченная исследованием неведомого.

Вдруг сильная дрожь сотрясла мужское тело, слышался не то вздох, не то крик, а затем Юлия была стиснута в таком крепком объятии, что дыхание ее пресеклось, и где-то далеко на обочине сознания мелькнула догадка: да он же давно не спит! Он просто затаился, ждал, когда она утратит осторожность — а теперь для Юлии пришла пора расплаты за свое безрассудство. Ох, что же теперь будет?

Ответ на свой смятенный вопрос она узнала тотчас. Все произошло мгновенно. Рухнула последняя преграда сдержанности. Раздался глухой стон, а потом мужское тело расплющило Юлию — и она, по некоему милостивому капризу судьбы, лишилась чувств еще прежде, чем испытала боль.

* * *

...Сначала показалось, будто лежит она в глубокой прохладной воде, но медленное, мерное колыханье волн выносит ее на поверхность, подставляя

солнечным лучам. Они так теплы, так нежны, они касаются ее тела, пробуждая в нем жизнь, они прижимаются к губам в поцелуе, они шепчут страстно:

— О милая... милая моя! Ты пришла! Ты со мной!

Юлия тихонько вздохнула, пробуждаясь от забытья, — и вздрогнула, осознав, где она и что с ней.

Она теперь женщина! Адам сделал ее своею женщиной!

Юлия была воистину счастлива сейчас. Наконец-то она стала взрослой! Наконец-то она сравнялась с хвастушей Наташенькой Шумиловой, которой овладел на прошлую масленицу, на маскараде, кто-то в костюме Цезаря — даже не сняв маску! — а потом постыдно бежал из зимнего сада, где улепил пылкую барышню. Наташенька была особа смешливая и легкого нрава: с тех пор она не пропустила ни одного маскарада, надеясь отыскать своего соблазнителя, но «Юлий Цезарь» не появлялся, как если бы, струхнув, напрямик канул в свой Древний Рим, ну а Наташино приключение с течением времени обрастало в ее многочисленных пересказах такими заманчивыми подробностями, что те же девицы, которые сначала, с некоторой долей презрения, жалели Шумилову, начали откровенно завидовать ей и ощущать себя почти старыми девами оттого, что их еще «не познал мужчина», а главная беда — что никто из них не решится изведать сего плода до свадьбы. Но всех этих невинных розовых дев, для которых верхом эпатажа было пройтись с кавалером, неугодным маменьке и папеньке, в знойной мазурке, при блеске свечей, под гул отрывистых смычков, — всех их Юлия вполне превзошла. И если мимолетный любовник Шумиловой сбежал от нее, едва добившись своего, то Адам теперь всегда, всегда будет с Юлией, и, судя по его

настойчивым ласкам, он вновь зовет ее предаться любви.

Юлия преисполнилась гордости, слушая этот пылкий шепот, этот голос, искаженный страстью. Теперь поцелуи ничем не напоминали их с Адамом невинные, робкие лобзанья где-нибудь за тенистым кустом бузины или в укромном закоулке Барканара¹. Его сильные пальцы играли с ее телом, извлекая из его потаенных глубин неведомую прежде мелодию пробудившейся страсти. Медленно и терпеливо, наслаждаясь сам, он разжигал костер и в ее теле.

— Ах... — вдруг выдохнула Юлия. — А-ах...

Не в силах долее сносить покорность, она задвигалась, сперва тихонько, вкрадчиво, а потом неудержимо, порывисто, страстно вступила в этот любовный танец, предназначенный лишь для двоих.

Она вновь была в полуобмороке — на сей раз от счастья. И так устала, так была истомлена, что едва могла отвечать на поцелуи, которыми награждал ее Адам.

Впрочем, в этих поцелуях уже не было пыла — ее любовник сгорел дотла в костре, который сам же и разжег. Дыхание его выравнилось, и Юлия с незнакомым прежде умилением уловила с трудом сдерживаемый зевок. Да и сама она почти спала. Какое счастье уснуть — и пробудиться в его объятиях!

Он повернулся на бок, оплетая Юлию руками и ногами, тихонько рассмеялся, словно замурлыкал, и мгновенно уснул, выдохнув, уже почти бессознательно:

— Милая... радость моя, Аннуся!

---

¹ Барканар — средневековая крепость, старинный район Варшавы.

* * *

Убитый наповал взрывом страсти, он не чувствовал, как, оглушенная его обмолвкой, онемевшая от внезапного подозрения, Юлия высвободилась из его объятий. Не слышал, как она, деревянно двигаясь, даже не стараясь делать все бесшумно, добралась до стола, нащупала свечу, чиркнула спичкой. Только веки спящего слабо дрогнули, когда яркий свет озарил его лицо — и Юлия разглядела наконец, с кем провела первую в своей жизни ночь любви.

Это был не Адам.

Это был Зигмунд Сокольский!

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

Первое осознанное ощущение пришло к Юлии через несколько часов беспрестанной гонки, когда конь начал засесть и она дважды едва не свалилась с седла.

Сбоку при дороге маячило какое-то строение. Кажется, постоялый двор. Да, вчера они с Адамом пили здесь чай.

Юлия даже зубами скрипнула при этом воспоминании, стукнула было коня каблуком, ничего так не желая, как снова отдаться бешеной скачке, но конь пошел неуверенно, спотыкаясь с первых шагов, и она почти с ненавистью натянула повод, поворачивая к трактиру, понимая, что лучше дать этой кляче час-другой передохнуть и только потом продолжать путь, чем загнать ее, а потом бог весть сколько сидеть, дожидаясь почтовых лошадей, убивая себя неподвижностью — и воспоминаниями.

Хозяин, конечно, сразу узнал красивую панну, которая останавлива-

лась здесь вчера со своим спутником, миловидным, как ангел, и сунулся к ней с приветствиями, однако выражение ее лица не больно-то располагало ни к любезностям, ни к расспросам, а потому он только подал ей чаю и отошел к стойке, исподтишка наблюдая за нею и недоумевая, какая такая причина превратила очаровательную хохотушку в это угрюмое, замкнутое создание с невидящим взором, — и куда подевался ее спутник?! Неужели это он так огорчил, так опечалил прекрасную панну? Ох, округни, округни человек!¹ Как только таких земля носит?!

Адам, надо полагать, уже добрался до Варшавы и успел принять участие в том «деле», кое было столь важно для Сокольского. Даже плаща своего не пожалел для Адама! Юлия дернула уголком рта, что должно было означать усмешку. Из-за плащато и вышла путаница! Да из-за соседства пана Валевского, коего Адаму пришлось сопровождать... Однако лукав, ох, лукав же пан Зигмунд! Ишь как костерил Адама: дезертировал, мол, сбежал с девицею! — а сам бросил своего драгоценного Валевского на попечение столь ненадежного человека, чтобы нынче же ночью, без помех, предаться разврату... да не с той, не с той, которую ожидал.

Стало быть, им обоим не повезло, оба обманулись в своих надеждах! Как говорится, человек предполагает, ну а Бог... ну, Бог все расставляет по своим местам.

Теперь, наверное, дело уже разъяснилось. Скажем, поутру Сокольский отправился благодарить Аннусию за доставленное блаженство — а что блаженство было, даже Юлия, в своей жгучей ненави-

---

¹ Жестокий, жестокий человек! (*польск.*)

сти на весь мир, не могла отрицать! — ну пришел, стало быть, а она захлопала своими глупенькими глазками и залепетала что-то столь несообразное, что в душу Зигмунда закрались подозрения, он принялся выпытывать дотошнее — и вся истина открылась ему...

Юлия схватилась за сердце. Ох, а она-то думала, что позор, будто клеймо, жжет лишь первое мгновение! Чудилось, уже не может быть ей больше, чем в те минуты, когда она опрометью бежала в свою спальню и торопливо одевалась, не глядя швыряла вещи в баул, даже не замечая, что слезы капают на толстую белую кошку, спокойно спавшую в ногах на ее неоправленной постели. По счастью, работник, ночевавший на конюшне, был приучен не задавать вопросов господам: страшно зевая и привычно бормоча: «Почекай швиле!»¹ — оседлал ее коня, навьючил баул, помог сесть в седло и отворил ворота, а сам повалился в сено досыпать, даже не задумавшись, зачем канула в непогодную ночь ясно-вельможная пани.

Она причесалась, умылась у придорожного ставка², не желая пугать людей своим безумным видом, не желая, чтобы хоть кто-то мог догадаться, какая змея сосет ее сердце! Но, верно, хозяин сего постоялого двора все же заметил ее отчаяние: вон какие сочувственные взгляды бросает из-за стойки!

Юлия на миг закрылась рукою, будто поправляла съехавшую шляпку, пытаясь за это время придать лицу самое безмятежное выражение.

А впрочем, что ей до этого человека? Может, лишь ее уязвленное самолюбие заставляет ви-

---

¹ Подождите чуточку! (*польск.*).

² Пруд, озерко (*укр., польск.*).

деть и сочувствие, и пристальное внимание, и любопытство там, где о сем нет и помину? И вдруг смутная мысль посетила ее, мимолетная надежда осенила крылом своим! А что, ежели Зигмунд, подобно тому кавалеру Наташеньки Шумиловой, вообще не расположен был расшаркиваться и благодарить за подаренную ему девственность? Может быть, для него такие приключения — дело настолько обыкновенное, что он и слова Аннусе не сказал? Оставил несколько денег услужливому пану Тадеку, дочке его — какую-нибудь безделушку, да и был таков — не выяснив отношений и не обнаружив страшного недоразумения, сломавшего Юлии жизнь?

Она с трудом подавила всхлипывания и невероятным усилием воли заставила себя вернуться под трепетное крыло надежды.

Коли так... Коли так, о случившемся не знает никто, кроме нее. И ежели Господь и Пресвятая Богородица будут милосердны к ней, великой грешнице, ежели увидят, как она горюет и раскаивается, то событие сие останется тайною для всех. И, быть может, удастся дома умиловать разгневанного отца, сославшись на пустую причину, поездку в гости, внезапную прогулку, дурь, ударившую в голову, понести наказание, пусть даже и порку, как это было в прошлом году, когда она загнала лучшую отцову тройку, выиграв пари с тем самым злосчастным курьером Пивовововым. Сейчас она была на все согласна, лишь бы удалось сберечь тайну. Она отменно умела забывать то, чего не хотела помнить, и как бы черный платок набросила на воспоминания о сплетенных телах, ладно танцующих под вечную мелодию — мелодию страсти, о губах, мучительно-сладостно терзавших друг друга...

Нет! Нет! Не думать об этом! Она старательно лелеяла уверенность, что Зигмунд никому ничего не скажет, никто ни о чем не догадается, что их с Сокольским судьбы, скрестившись на мгновение и вызвав смерч, подобно двум взвихренным потокам ветра, разлетелись в разные стороны и никогда не сойдутся впредь. А коли так... воротясь в Варшаву, она отыщет Адама, и... и, может быть, еще не все для них потеряно!

Даже тень надежды была столь отрадна, что Юлия с наслаждением отхлебнула чаю, и румянец взошел на ее щеки, и ярче заблестели глаза, и хозяин, добрый человек, не спускавший с нее глаз, мысленно возблагодарил за это внезапное преобразование Матерь Божию и украдкой смахнул умиленную слезу.

* * *

Наступил вечер, но сумерки рассеивали странные огни, вспыхнувшие при дороге. Юлии понадобилось время, чтобы сообразить: да это ведь горят те самые охапки соломы, привязанные к вершинам просмоленных шестов, на которые она обратила внимание, когда они с Адамом очертя голову неслись из Варшавы. Она любопытствовала — что это, но Адам то ли не захотел ответить, то ли сам не знал. Однако теперь шесты горели косматым, жадным огнем, словно подавали кому-то некий знак.

Юлия мчалась по обочине, рискуя переломать ноги коня, но опасалась выезжать на середину дороги, по которой шли в Варшаву отряд за отрядом. Настораживало, что она не слышала ни единого слова по-русски, а когда впереди одного из шедших полков увидела трехцветное знамя, а на голо-

вах солдат — красные конфедератки¹, страх подкатил к горлу. Вспомнилось, что несколько дней назад в городе появились листовки о том, что Бельведерский дворец в Лазенках², резиденция цесаревича, с первого декабря сдается внаем. Городовые срывали эти листки, наклеенные на стены, однако на лицах поляков, читавших их, появлялось выражение нетерпеливого ожидания. Юлия тогда спросила Адама, что означает сия оскорбительная шутка, но он пожал плечами и перевел разговор на другое. А сейчас Юлия вспомнила и листовки, и сердитые выпады отца против поляков, и уверения его, что от «этой пакостной нации» можно ждать всякого подвоха, всякого предательства...

Тут со стороны города послышалась перестрелка, а потом ухнул пушечный выстрел — и снова наступила напряженная тишина.

Теперь Юлия уже не сомневалась в том, что нынче ночью в Варшаве что-то произошло. Именно на это, конечно, намекал своими упреками Адаму Зигмунд, а она была слишком озабочена судьбою собственной любви, чтобы придавать значение этим словам. Но теперь страх снедал душу, и зрелище темных, пустых улиц заставило ее задрожать мелкой дрожью. Топот конских копыт казался опасно громким в затаившейся тишине. Казалось, этот дробный перестук способен взорвать ее — и тогда эта тишина сменится чем-то настолько ужасным, непредставимо ужасным!.. Юлия и сама не знала,

---

¹ Конфедератки — польские военные фуражки с четырехугольной тульей.

² Бельведер — дворец в варшавском парке Лазенки, где находилась резиденция русского наместника, великого князя Константина Павловича.

чего боится, но сочла за лучшее спешиться и пойти пешком, ведя, вернее таща, за собою вконец заму-ченного коня.

На углу Краковского предместья, когда до дому было совсем недалеко, конь стал, отказываясь идти. У Юлии не было ни сил, ни охоты сдвинуть его с места, а потому она закинула поводья ему на шею, предоставив самому плестись в знакомую конюшню — и, подобрав юбки, бегом бросилась в сторону дома.

Город был темен, витрины не освещены, уличные фонари кое-где осторожно, воровато мерцали, но большинство из них было не зажжено вовсе. Однако здесь кончилось безлюдье, и Юлия похвалила себя за то, что идет пешком: она могла неслышно перебежать от подворотни к подворотне, оставаясь незамеченной.

Теперь непрерывно слышались на улицах глухой шум и ружейная стрельба; то вдруг наступала тишина, то раздавались пронзительные выкрики: «К оружию, поляки, к оружию!»; слышался топот коней быстро скачущих всадников и экипажей.

Какой-то страшный, мерцающий красный свет далеко рассеивал тьму, и Юлия с ужасом увидела, что кое-где бушуют пожары, освещая ночь. Она не поверила глазам, увидев полыхающее здание русского комиссариата на Новом Святе. Некие тени сновали мимо огня. Юлия обрадовалась было, приняв их за пожарных, но это была толпа, забавлявшаяся страшным зрелищем.

Неторопливо проплыла мимо закрытая карета. Зеваки оглянулись, начали набожно креститься: ведь это была карета «бискупа» — католического епископа. Словно в театре теней, на красном фоне пожара увидела Юлия в окне кареты четкий силуэт